

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

К VI КОНГРЕССУ ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ
«ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЕВРАЗИИ»
28 ИЮНЯ—2 ИЮЛЯ 2005 г.

В.В. Бочаров

ОБЫЧНОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И «КРИМИНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В РОССИИ (опыт юридино-антропологического анализа)

В статье анализируется российская правовая культура, которая, с точки зрения автора, является главным препятствием проводимых в стране реформ. В этой культуре главную роль играет обычное право (неписанные законы), которое не следует рассматривать как феномен первобытности, поскольку оно присутствует в любой правовой культуре.

Основное внимание уделено анализу правовых отношений собственности. Автор приходит к выводу, что принятые в России законы, закрепляющие право частной собственности, не соответствуют обычно-правовым представлениям, а поэтому не воспринимаются большей частью населения страны в качестве легитимных. Конфликт правовых культур, характерный для России, имеет свое продолжение в социально-политической сфере.

Справедливо мнение, что от реформирования отношений собственности в современной России во многом зависит успех проводимых в стране реформ. При этом имеется в виду, что ускоренное и устойчивое развитие национальной экономики возможно лишь в условиях господства частной собственности, которая должна иметь в обществе «священный» статус, т. е. абсолютное признание со стороны его членов. Однако, несмотря на звучащие с самых высоких трибун заверения о недопустимости пересмотра итогов приватизации, не утихают призывы левых политических сил, требующих «вернуть народу награбленное», что находит понимание у немалой части населения страны. Показательно, что программы почти всех кандидатов в президенты на последних выборах в той или иной мере содержали данное положение. В общественно-политический лексикон вошли понятия «криминальная революция», «бандитский капитализм», «бандитское государство». Государству инкриминируется «правовой беспредел», начавшийся «грабительской приватизацией» и продолжающийся до настоящего момента. Действительно, о «разборках» по поводу собственности постоянно информируют и СМИ. Граждане России уже привыкли к картинкам на экранах телеви-

зоров, где имущественные споры очень напоминают вооруженные конфликты в «горячих точках». Причем, обе стороны, как правило, опираются на постановления судов, вынесших противоположные решения.

Утверждается, что государственный аппарат насквозь пронизан коррупцией. Периодически разоблачаются «оборотни» в судах, правоохранительных органах, медицине, спорте, в правительственных учреждениях. Они, как выясняется, есть на всех уровнях государственной иерархии. На этом фоне огромную популярность в народе обрели произведения искусства, в которых современные «Робин Гуды» ведут борьбу против новых «хозяев жизни». Герои кинофильмов и телевизионных сериалов стали почти национальными. Они вызывают симпатию зрительской аудитории как борцы за «справедливость», даже несмотря на то, что их руки обильно обгажены кровью.

Все эти нерадостные факты, являющиеся реальностью современной жизни, требуют объяснения. Чаще всего причины видят в пагубности «коммунистического прошлого», воспитавшего народ в духе «уравниловки», который и теперь стремится «все отобрать и поделить» у наиболее успешных представителей общества. Другие, наоборот, причины всех невзгод усматривают в экономическом курсе элит, который проводится в России после распада СССР. Однако данные точки зрения, на мой взгляд, излишне политизированы. Следуя первой логике, нельзя объяснить воодушевление и энтузиазм, с которыми «масса» экспроприировала собственность «буржуев» и «кулаков», что видно из кадров кинохроники тех лет. Второй подход также вызывает вопросы. Ведь аналогичным курсом с опорой на частную собственность идет весь «цивилизованный» мир, который, как известно, процветает.

Сегодня все чаще ссылаются на психологию «русского народа», которой де свойственны лень, склонность к праздности и воровству, отсутствие стремления «жить по-человечески», завистливость и т. д. и т. п. Это характерно не только для обывателя, но и для научного сознания. Активно возрождается этнопсихология в традициях «психологии народов» В. Вундта, наделившего народы (этнос) персонифицированными психологическими свойствами. Например, утверждается, «что особенности развития России сопряжены с определенными чертами русского национального характера», с последующим анализом как «положительных, так и отрицательных черт» (Смирнов 2001: 160–163). В прежние времена взгляды «классика» подвергались справедливой критике. Сегодня же, когда этнографы и антропологи существующим образом пересмотрели свое отношение к понятию «этнос», без которого немислима этнопсихология в таком понимании, данные работы выглядят поистине архаичными. Не могу не согласиться с В.А. Тишковым, отреагировавшим на бурный рост этнопсихологической проблематики в отечественном обществоведении следующим образом: «этнопсихология, не порвавшая пуповину с этносом, — одно из свежих наваждений, от которых придется избавляться десятилетиями» (Тишков 2003: 33).

Представляется, что причины «правового беспредела», характерного для современной России, следует искать в правовой культуре, носителями которой являются ее граждане. Главным понятием для анализа должно стать понятие «собственности», которое включает как материальный аспект,

отражающий всю систему существующих в обществе производственных (материальных) отношений: собственно производство, распределение и обмен, так и правовой. Последний обеспечивает «собственности» и «собственникам» легитимность в глазах членов общества. Причем, форма юридического закрепления должна соответствовать правовой культуре акторов, так как только в этом случае возможен консенсус между собственниками и остальными членами социума, что, в свою очередь, является необходимым условием социального порядка — главной предпосылки не только устойчивого развития, но и существования общества в принципе. Поэтому анализ «собственности» сведен к анализу структуры российского правосознания, что вывело тему исследования за рамки политической экономии, определив ее пределами юриспруденции или, точнее, юридической антропологии (или антропологии права), субдисциплины, находящейся на стыке юриспруденции и антропологии.

Гипотеза, во-первых, состоит в том, что реформирование отношений собственности в России, опирающееся на внесение соответствующих изменений в законодательство, не соответствует правовой культуре россиян, в которой чрезвычайно низок статус государственного закона как носителя идеи «справедливости». Но в таком случае должны существовать иные юридические средства, выполняющие данную функцию, так как еще юристам Древнего Рима было хорошо известно, что «нет общества без права». Отсюда вторая гипотеза. Я предполагаю, что в качестве таких средств в отечественной культуре выступает не закон, а так называемое обычное право, которое, воплощая в себе идею справедливости, не сводится к официальным юридическим актам, а носит неформальный характер. Оно составляет важнейший компонент правовой культуры, определяющий поведение граждан России.

В данной статье я анализирую феномен обычного права, а также роль, которую оно играет в современном правосознании. Показывается, что оно характеризуется правовым плюрализмом, который, в свою очередь, порождает конфликт, имеющий продолжение в социально-политической сфере. Во второй статье, которая будет опубликована в следующем номере журнала, мы, вместе с аспирантом А. Рябикиным, собравшим полевой материал о поземельных отношениях в России, проиллюстрируем формы бытования такого конфликта в условиях трансформации этих отношений на основе частной собственности.

Обычное право и государственный закон. К проблеме структуры современного правосознания

Реформы, проводимые в России, осуществляются путем изменения законодательства, что, как предполагается, должно коренным образом преобразовать сложившиеся ранее отношения между людьми. В то же время стало уже «притчей во языцех» утверждение о том, что вновь принимаемые законы в значительной мере «не работают». Об этом нас постоянно информируют не только СМИ, но и представители практически всех ветвей власти, причем самых различных ее уровней.

В конце эпохи Б. Ельцина в программу НТВ «Герой дня», которую вела известная журналистка С. Сорокина, был приглашен начальник правового отдела президентской администрации. Он не без гордости рассказал, как его сотрудники разработали правовую базу для деятельности различных министерств и ведомств. Однако когда ведущая спросила его, каким образом выполняются разработанные законы, ответ был примерно таков: они не только не соблюдаются, — те, кому законы адресованы, их попросту не замечают. В 2003 г., в интервью на одном из общероссийских каналов ТВ бывший министр финансов А. Лившиц также размышлял: «Непонятная страна Россия, — процесс принятия бюджета происходит в точности как на Западе: борьба фракций, лоббирование, согласительные комиссии и т. д., но как только бюджет принимается, о нем все забывают, и жизнь идет своим чередом...»

Отметим, что «правовой беспредел» не является чем-то новым для отечественной правовой культуры. По мнению Л.М. Тимофеева, изучавшего экономические практики в СССР, «подобного поведенческого опровержения писаного закона в истории человечества не бывало» (Тимофеев 1997: 333). Данный феномен обычно объясняется «низкой правовой культурой» россиян, которым якобы свойственно неуважительное отношение к закону по формуле «закон, что дышло...» Однако, с нашей точки зрения, речь должна идти не о «низкой», а просто о «другой правовой культуре», базирующейся как на иных социально-экономических реалиях, так и других принципах мыследеятельности, отражающих данные реалии.

Действительно, не только русский фольклор, но и лучшие образцы художественной литературы, казалось бы, свидетельствуют о справедливости подобного суждения. Например, в «Воине и мире» крестьянин-солдат Платон Каратаев утверждает: «Где суд, там и неправда». О неприятии русскими закона как регулятора общественной жизни говорили и другие мыслители прошлого. По мнению Ю.Н. Тихомирова (конец XIX – начало XX вв.), «в возможность справедливо устроить общественно-политическую жизнь посредством юридических норм народ не верит» (Тихомиров 1992: 248–249). Подобное отношение к писаному закону отнюдь не определяется уровнем образованности, оно в полной мере свойственно не только простолюдникам, но и интеллигенции. Как справедливо отметил Б. Кистяковский в «Вехах»: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находится у нее в наибольшем загоне» (Кистяковский 1991: 110).

Справедливость слов философа подтвердила вся последующая история России, так как первыми попирали законы именно образованные слои общества, приходившие к власти как раз под лозунгом построения «правового государства». Начало было положено главой первого демократического режима России Керенским, который громогласно клялся вознести принцип верховенства права в России на «недосягаемую высоту». Однако, встав у руля государства, он, по мнению своих соратников-юристов, полностью забыл о своих обещаниях: «Аресты производились без попытки сослаться на какой-нибудь закон... И сам Керенский, так возмущавшийся прежним бесправием, числил арестантов за собой как за министром юстиции — случай небывалый за все времена существования нового суда в России» (Звадский 1991: 21).

Аналогичное поведение было характерно и для другого лидера демократической России, пришедшего к власти почти через 100 лет под тем же лозунгом «правового государства». В мемуарах другого юриста — бывшего Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова, отмечается полное пренебрежение к конституции Б. Ельцина, по инициативе которого, кстати, и был принят основной закон: «В основе всей его деятельности [Ельцина — В.Б.] лежало, к сожалению, одно пренебрежение к закону... ему, как царю, можно все» (Скуратов 2000: 5). Или: «Я лишний раз убедился в том, что у президента никогда не было уважения к Конституции, к законам, все это для него являлось обычными игрушками, с которыми можно поступать так, а можно поступать и эдак, сломать и выкинуть, и ощущение это рождало чувства не самые лучшие» (Скуратов 2000: 131). Самое же примечательное то, что бывший верховный блюститель закона также вспомнил о нем лишь тогда, когда был снят президентом с должности. Ведь совершенно очевидно, что его запоздалая реакция на поведение президента мотивирована, прежде всего, чувством обиды, мести. Ю. Скуратов признается, что возглавляемая им Генеральная прокуратура «не проявила в этом должной принципиальности», т. е., по сути дела, никак не реагировала на факты нарушения президентом конституции (Скуратов 2000: 5). Еще более интересны факты из «исповеди», которые свидетельствуют о том, что он, прокурор, в повседневном поведении руководствуется отнюдь не государственным законом: «Я и в 1996 г. голосовал за Ельцина, считал — против голосовать нельзя [т. е., несмотря на то, что тот, по словам Ю. Скуратова, грубо нарушал конституционные нормы — В.Б.]: все-таки мы находимся в одной команде. А закон команды — это закон команды [курсив мой — В.Б.]: на чужаков не играть, в свои ворота мячей не забивать, удары чужаков не пропускать» (Скуратов 2000: 70). Видно, что главный блюститель «государственного закона» на самом деле подчиняется «закону команды», который-то он и ценит превыше всего.

Однако при, казалось бы, совсем неудовлетворительном отношении россиян к закону, их жизнь в должной степени размерена и упорядочена. Они так же, как и бывший Генеральный прокурор, в повседневной жизни руководствуются некими законами, которые в просторечии обычно определяются как «неписаные», т. е. не зафиксированные в официальных правовых актах. Именно это «законодательство» и регулирует человеческие отношения в большинстве сфер нашей жизнедеятельности. Подобные «правовые кодексы» складываются спонтанно в процессе повседневных практик участников правоотношений в различных областях жизни. Они обязательно соответствуют таким критериям, как «здравый смысл» и «справедливость», и реализуются в поведении потому, что «так принято». Л. Тимофеев, изучающий отношения собственности в СССР, отметил: «Теневые отношения завязываются за пределами юридического закона. Но это совсем не значит, что здесь всегда царит правовой беспредел. Отлаженные и постоянные теневые отношения надежно опираются на здравый смысл и обычное право. Здравый смысл — универсальная основа теневой юстиции. Но как основа здравый смысл проявляется лишь в том, что субъекты теневых отношений полагаются на обычное право» (Тимофеев 1997: 338). Содержание таких

норм красочно раскрыто тем же Ю. Скуратовым в приведенном выше пассаже. Действительно, не принято «играть на чужаков, забивать мячи в свои ворота, пропускать удары чужаков».

Таким образом, мы подошли к проблеме соотношения «обычая» (или «обычного права») и «закона» (или позитивного права) в регулировании общественных отношений. Эта проблема сегодня анализируется в рамках бурно развивающейся в мировой науке «антропологии права» (или «юридической антропологии»). Нам уже приходилось писать об исторических истоках данной дисциплины, определять ее задачи сегодня (Бочаров 1999: 23–30).

Коротко говоря, «обычное право», как предполагалось, регулировало жизнь людей в традиционных (бесписьменных) обществах и правом в полном смысле не считалось. Эта точка зрения доминировала в работах западных и российских ученых с середины XIX в. В работах европейских исследований данная позиция была пересмотрена в 20-х гг. XX столетия (Malinowski 1926: 73–74). В России она просуществовала вплоть до конца советского времени. Существование же обычно-правовых норм в жизни народов СССР расценивалось в качестве «пережитков», как правило, «вредных», считавшихся уголовными преступлениями (патриархальное закрепощение женщины, многоженство, левиратный брак, кровная месть и т. д.). С ними, как утверждалось, к концу 1930-х гг. было покончено. В результате «обычное право» перестало считаться самостоятельным правовым регулятором, превратившись, по сути, в государственный закон (Туманов 1986: 17).

Современные же исследования, основанные на свидетельствах информантов, убедительно говорят о том, что обычное право смогло приспособиться к советским реалиям, составляя существенную часть правосознания населения многих регионов (Бобровников 1997). После развала СССР произошло его бурное «возрождение» во многих регионах постсоветского пространства. В грузинской Абхазии, например, обычно-правовые процедуры стали определяющими для гражданина этой республики, в Ингушетии (Россия) официально была признана полигиния, а ее бывший президент Р. Аушев даже активно ратовал в своих публичных выступлениях за официальное признание кровной мести. Однако в большинстве случаев обычное право в данных регионах продолжает сохранять неформальный статус.

Неудивительно, что интерес к антропологии права в современной России чрезвычайно высок. Ведущие юристы высказались за развитие данной дисциплины (Нерсесянц 2002: 1–7, 12). В частности, по антропологии права известным отечественным юристом А.И. Ковлером был написан учебник для студентов вузов (Ковлер 2002). Под эгидой Института антропологии и этнологии РАН, возглавляемого В.А. Тишковым, постоянно проводятся научные форумы, посвященные юридико-антропологическим проблемам.

Позиции обычного права очень сильны в так называемых развивающихся государствах, характеризующихся «периферийным» алгоритмом общественного развития (Бочаров 2001а: 47). Здесь политические элиты заимствуют европейские модели права, строя на нем государственное законодательство, в то время как основные массы населения продолжают опираться на традиционные ценности. В результате в этих государствах писанные зако-

ны, как правило, «подвешены в воздухе». О них вспоминают лишь в условиях политического противостояния, когда одна из сторон прибегает к «праву» как к инструменту политической борьбы (Бочаров 2001б: 59–65). Да и сами политические лидеры этих государств скептически относятся к законам как средству эффективного управления. Интересно, как по данному поводу высказался бывший китайский вождь Мао Дзэдун: «Мы не можем управлять массами посредством права [писаного закона — В.Б.]. Никто не в состоянии помнить всего, что написано в гражданском или уголовном праве. Я участвовал в составлении Конституции, но с трудом вспоминаю ее положения [Курсив мой — В.Б.]... В конце концов, мы не должны ломать голову над актами и инструкциями, 90 % которых являются порождением различных ведомств». А.И. Ковлер, приведший эту цитату Мао в своей книге, делает справедливый вывод: «слова “великого кормчего” как нельзя лучше отражают недоверие китайцев к “формальному” праву» (Ковлер 2002: 212).

Обычное право, или «неписаный закон» во многом регулирует общественную жизнь и в «цивилизованных» государствах. Это прежде всего относится к этническим диаспорам, различного рода субкультурам (молодежным, криминальным, религиозным и т. д.), а также к фирмам и учреждениям. На Западе быстро обретает популярность концепция «правового плюрализма», в соответствии с которой индивид является субъектом не только государственного правового регулирования, но и обычно-правового (Бенда-Бекманн 1999). Будучи членом этнической, субкультурной, профессиональной групп, семьи и т. д., он подчиняет свое поведение сложившимся в них неформальным предписаниям, несоблюдение которых предполагает те или иные принудительные санкции со стороны соответствующего коллектива. Ярким примером обострения конфликта между различными правовыми системами (обычно-правовой и государственной) является современная Франция, где принятый закон о религиозной символике, запретивший, среди прочего, покрывать голову платком-хиджабом в публичных местах, вступил в противоречие с нормами мусульманского права, что привело к массовым протестам со стороны приверженцев ислама.

Словом, было бы ошибочно видеть в «обычном праве» лишь рудимент истории. Оно является важным структурным элементом правосознания современного человека. Обычное право можно определить как *систему естественно сложившихся поведенческих норм в процессе функционирования устойчивого коллектива людей, объединенных по различным поводам (этническому, возрастному, родственному, профессиональному и т. д.), действующих неформально (т. е. не закрепленных в политико-правовых документах), несоблюдение которых связано с потенциальным психологическим, либо физическим принуждением как со стороны мифического (сакрального) авторитета, так и со стороны данного коллектива.*

Обычное право складывается на базе обычно-правовой *ментальности*, носителями которой выступают представители той или иной культуры (субкультуры). Оно в большинстве случаев освящено сакральным авторитетом: предками (историей), мифами, харизматическими лидерами, вождями или царственными персонами, Богом и т. д. Обычно-правовая ментальность

характеризуется идейно-психологическим субстратом, отражающим фундаментальные социальные реалии, характерные для первичных (традиционных) социумов. Одна из них — разделение на «своих» и «чужих», которое определяло юридические воззрения людей на самых ранних этапах социогенеза. «Чужие», как известно, выпадали из сферы права, на них не распространялись нормы, утвердившиеся для регуляции отношений между «своими» (Бочаров 2001в: 505–510).

Данная фундаментальная обычно-правовая норма отчетливо обнаруживается в ментальности современного человека, причем принадлежащего к любой культуре. Кстати, об этом свидетельствует приведенное выше высказывание бывшего Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова. Он, как можно убедиться, провел отчетливую границу между «своей командой» и «чужаками», определив при этом правила их взаимодействия. Об этом же свидетельствует поведение властей и населения США после террористического акта 11 сентября 2001 г. Например, военная операция против Афганистана, начатая американцами с целью уничтожения талибов — «оплота Усамы Бен Ладана», которого обвинили в организации данной акции (заметим, без решения суда), первоначально называлась «Возмездие», причем, на первых порах ее поддержало 90 % населения страны. Позже, как бы спохватившись, американцы переименовали ее в операцию «Свобода без границ». Словом, правовая культура американцев также удерживает пласты, определявшие правосознание людей в глубокой древности. Действительно, «месть» или «кровная месть» — фундаментальный социальный институт, лежавший у истоков права. Но если для представителя архаического общества обязательства мести (кровной мести) не имели срока давности, то здесь они вышли на первый план в ситуации «эмоционального взрыва», а затем вновь отошли на периферию сознания (уже через неделю идею «возмездия» поддерживало порядка 60 % населения США, а затем еще меньше) (Bocharov 2003: 55–62).

Итак, обычное право отнюдь не является феноменом «первобытности». Оно входит в структуру правосознания современных людей — не только представителей государств с «периферийным» алгоритмом исторического развития, но и носителей западной правовой культуры. Это в полной мере относится к праву собственности.

Обычно-правовые аспекты собственности в структуре современного правосознания

Кроме «обычного права» принципиальным для данной статьи является понятие «собственность». Собственность — это отношение людей к вещам через владение, распоряжение и пользование ими. Сегодня проблемы собственности рассматриваются преимущественно экономистами и юристами. В политической экономии социализма было принято разделять «частную собственность» и «личную собственность». «Личная», как считалось, не могла приносить дохода владельцу, в то время как «частная» такой доход приносить могла, т. е. могла создавать финансовый капитал. Налицо ис-

кусственность подобной классификации, так как при определенных условиях собственник может добиться того, что доход будет приносить все. Поэтому следует уйти от понятий «частная» и «личная», ограничившись только «собственностью», которая по своему содержанию и есть «частная». В то же время правомерно использовать понятие «частная собственность» в противопоставлении «коллективной собственности». Это противопоставление носит не экономический, а юридический смысл, отражая преимущественное право индивида владеть, пользоваться и распоряжаться вещами относительно коллектива.

На ранних этапах социогенеза практически все вещи находились в коллективной собственности, что закреплялось в обычном праве, нарушение которого влекло за собой общественные санкции. Рост степени индивидуализации в отношении людей к вещам в ходе исторической эволюции привел в западноевропейских обществах к торжеству частной собственности. Это выражается, в первую очередь, в расширении (практически неограниченном) прав индивида в распоряжении вещами. Главный принцип собственнических отношений был сформулирован еще древнеримскими юристами как «право свободного владения и распоряжения имуществом, право неограниченного употребления его, вплоть до злоупотребления».

Охотник не мог свободно распоряжаться убитым зверем. Он обязан был поделиться мясом даже со встретившимся ему случайно человеком. Нарушение данного права коллективной собственности влекло за собой соответствующие санкции. В частности, тот же охотник мог понести суровое наказание, если бы вдруг отказался сделать это (Ванштейн 1997: 107). У русских дом, пристройка, скот, корм, хлеб, посуда, запасы провизии считались общим достоянием семьи и продавались с «общего согласу» или «по совету» хозяина и хозяйки (Быт... 1993: 189). Однако и в традиционных обществах существовали элементы частной (индивидуальной) собственности, в смысле «неограниченного употребления» некоторых вещей. Подобные отношения собственности закреплялись не в законах, а в обычном праве, которое, как уже отмечалось, связано с особыми пластами человеческой психики.

Эти пласты, которые обычно связываются с архаическим (или мифологическим) мышлением, доминировали в психологии человека на ранних стадиях общественной эволюции. Причем в данном случае мы не говорим о каком-то особом типе мышления, оно присуще и современному человеку, располагаясь, правда, на периферии его психики. Для такого мышления характерно восприятие окружающего мира посредством установления ассоциативных связей между людьми и вещами, на базе фиксации их в одной и той же ситуации. Оно, в частности, определило появление в культуре представления о магической силе, которое зафиксировано учеными практически повсеместно (Выготский 1983: 256; Выготский, Лурия 1930: 116). Данный культурно-психологический пласт породил многие идеи и представления, утвердившиеся в человеческой культуре, включая и идею собственности.

Этнографами отмечалось, что данная сила как бы «свободно перетекает от вещи к вещи, от вещи к человеку и от человека к вещи, и чем больше человек взаимодействует с последней, тем больше его частиц остается в

этих вещах» (Грачева 1983: 53). В результате из-за длительности фиксации вещи в одном поле с человеком вещь воспринималась как одна из его ипостасей, т. е. его собственностью. Именно такими вещами индивид мог довольно свободно распоряжаться. К ним, прежде всего, относились одежда и ритуальные предметы, символизовавшие социальный статус индивида. По мнению Э. Тэйлора, в архаических обществах к вещам, «с которыми члены семьи имеют некоторое право сделать что угодно в течение жизни, относились, оружие, украшения, скудная одежда обоих полов, т. е. то, что каждый носит на себе или при себе, что после смерти они уносят в загробный мир» (Тэйлор 1924: 306).

Вероятно, первичные представления о собственности во многом строились на психофизиологической (инстинктивной) основе. Точнее, следует говорить о зарождении чувства собственности, которое служило базой собственнической идеологии. Словом, здесь представления (идеология) и психология еще неразрывно связаны между собой. Так, одежда, которая по разным этнографическим материалам была повсеместно предметом частного присвоения, в первую очередь становилась таковой благодаря ассоциациям с владельцем, устанавливаемым посредством обоняния. Она «вся пропитана человеческим запахом, жизнью, близка телу». Поэтому нанесение ущерба одежде приравнивались к нанесению ущерба ее владельцу: «Разрезание одежды способно убить человека и наказывалось смертью» (Грачева 1983: 53). В русском обычном праве, например, «все, кроме обуви и одежды, которые считаются личными вещами, является общесемейной собственностью и распределяется большаком» (Быт... 1993: 189). Зачастую это относилось даже не ко всей одежде, а только к нательной и обрядовой (например, свадебный наряд или одежда на случай смерти) (Александров 1984: 224–225). «Личной собственностью каждого члена семьи является “хорошая одежда” (т. е. праздничная), в отличие от повседневной, которой пользуются все члены семьи» (Быт... 1993: 189).

Аналогичный культурно-психологический механизм питает обычно-правовые представления современного человека. Особенно ярко это проявляется у детей. Ребенок лет пяти, придя утром в детский сад, пытается отобрать игрушку у одноклассника, настаивая на том, что она принадлежит ему, так как он с ней играл вчера. Легитимность притязаний засвидетельствовал другой ребенок, подтвердивший данный факт. Объяснения воспитателя, что игрушки «общие», не возымели действия, и в конечном итоге она была возвращена ее «владельцу». Это же «чувство собственности», возникающее при длительном контакте с вещью, прослеживается и у взрослых. Такое поведение можно определить как «право первого». Оно заключается в том, что индивид, воспользовавшийся вещью первый, претендует на нее как на собственность. Приведем характерный случай, произошедший с автором этой статьи. В 2003 г. я попал на конкурс певцов, проходивший под эгидой нашей знаменитой оперной певицы Е. Образцовой. Опоздав к началу, я простоял всю первую часть концерта, так все места в зале были заняты. В перерыве многие вышли в фойе и, соответственно, места освободились. Я попытался занять одно из них. Зрители, сидевшие вокруг, обнаружили радость в связи с этим. Из их реакции выяснилось, что пара, занимавшая эти

места в первом акте, «недостойно себя вела»: они разговаривали, шумели, мешая окружающим. Однако одновременно прозвучало и разочарование, что мне придется уступить место, если они вдруг вернуться после антракта. Я попытался успокоить соседей, сказав, что не собираюсь уходить, т. к. имею равные с прежними владельцами права на кресло на том основании, что вход на концерт свободный, и, соответственно, места занимают произвольно. Но был крайне удивлен, когда публика, казалось бы, стоявшая на моей стороне, осуждающе заметила: «Как же вы не уступите, ведь они первые заняли эти места». Таких примеров из нашей повседневной жизни можно привести множество. Владельцы автомобилей хорошо знают, что нельзя ставить свое авто там, где обычно ставит машину кто-то другой. Место принадлежит ему опять же «по праву первого». Нарушение этой обычно-правовой нормы может повлечь серьезные санкции (например, прокол колес). Причем это признается правомерным соседями, обычно паркующими машины в этом же дворе. Аналогичным образом, рыбак предъявляет претензии коллеге, расположившемуся ловить рыбу на «его месте». В качестве доказательства он указывает на следы его пребывания в «прошлый раз», из чего следует, что он был здесь первым, а значит, это место принадлежит ему по праву.

Другим основанием для предъявления претензий на вещь, с точки зрения обычно-правовых представлений, являлся вложенный человеком в изготовление вещи труд. По-видимому, первоначально этот труд выступал не как экономическая категория, а лишь как повод для установления все тех же ассоциативных связей между индивидом (индивидами) и вещью. Понятно, что в данном случае ассоциации имеют еще более тесный характер. В частности, в традиционных культурах вещи нередко назывались именем их изготовителя: «Личная принадлежность вещи идентифицируется с тем, что она сделана определенным лицом... Было принято любой предмет, изготовленный одним человеком и эксплуатировавшийся другим, называть по имени того, кто его сделал... Собственность человека на этот предмет, выражающаяся в возможности заставить этот предмет выполнить волю, сохраняется независимо от того, в чьих руках он находится. Если человек сам сделал себе деревянного койка [идола — *В.Б.*], призванного охранять его мир и способствовать его благополучию, вложил в него свои мысли, свои цели, а койка не помогает, как бы противоречит жизни человека, он может его наказывать, не кормить и, в конце концов, выбросить. Но никто его не подберет, потому что он, в связи с вышеизложенными мотивами, принадлежит другому человеку» (Грачева 1983: 54).

У африканских скотоводов домашние животные и их хозяева также носили одинаковые имена. А нанесение животным какого-либо вреда рассматривалось как деятельность, направленная против владельцев, и требовала отмщения. Антрополог описал случай, наблюдая одну из этнических групп Восточной Африки. Готовясь совершить набег на соседей, члены племени «ссылались на свои бычьи имена, метафорически изображая их ранеными и истекающими кровью. Это подразумевало, что раны были получены ими самими и должны быть отомщены» (Almagor 1977: 138).

Правовой плюрализм и «правовой беспредел» в России

Власть и богатство. Коллективная собственность никогда не предполагала одинакового отношения его членов к вещам. В охотничьем хозяйстве индивид, сразивший зверя, получал сверх равного пая еще сердце, легкие, нижнюю челюсть убитого зверя на том основании, что охотник должен был «угостить» наиболее лакомыми частями добычи своих «духов-покровителей». На самом деле после определенных ритуальных процедур «мясо крошили, варили и съедали всей семьей». Предполагалось, что такой охотник обладал Силой или «удачей», «охотничьим счастьем», что делало его право на дополнительную часть добычи легитимным (Потапов 1949: 35–36).

Словом, изначально существовала тесная связь между личностными свойствами индивида и его правом на преимущественное владение вещами. Она носила мистический характер, т. к. «вещи» выступали в качестве ипостаси самого индивида. Отчетливо это видно из анализа феномена кладов в русском фольклоре: «Клад, пока он лежал нетронутым в земле или на дне болота, хранил в себе удачу своего хозяина... Также всегда присутствует сюжет мистической связи, сохраняющейся с истинным его владельцем даже после смерти» (Библиотека... 1992: 313, 316, 318). В людях, обладающих Силой, видели гарантов благополучия общественного коллектива. Поэтому они признавались лидерами, что стало выражаться в их имущественном статусе: чем он выше, тем лидер казался более могущественным. В результате такой человек обретал престиж в обществе, а вместе с ним и власть. Зажиточный пророк, колдун или знахарь считался более эффективным в своей деятельности. Об этом свидетельствовало «богатство», которое складывалось из подношений (подарков) обращавшихся к нему людей. Логика такова: многие люди не зря идут к знахарю, от его помощи есть прок. Такого человека просят разрешить спорный вопрос и, хотя у него не было аппарата физического принуждения, воле лидера подчинялись, полагая, что в противном случае он может прибегнуть к Силе, накликав разнообразные невзгоды на ослушавшихся и их родню (Бигменство 1999: 132). У австралийцев, например, «бигменом считался любой человек, который обнаруживал особый дар, либо в выращивании таро и ямса, либо в постройке хижин и лодок, в резьбе по дереву, либо способности сочинять музыку и т. д. К нему обращались за помощью, которую он оказывал, за что получал определенную плату в виде разного рода подношений. В результате у него накапливались материальные ресурсы — богатство (свиньи, раковинные деньги), которое и обеспечивало продвижение в бигмены» (Бигменство 1999: 130–131). Богатство военных вождей племени (вождества) свидетельствовало об «удаче», а поэтому не было недостатка в желающих стать под их начало. Богатство символизировалось в пище, жилище, одежде, скоте, земле, украшениях из драгоценных металлов. Русские историки и иностранцы, посещавшие Россию в разные времена, много написали о княжеских и царских пирах, с немислимым количеством подаваемых блюд на дорогой посуде, о несметных запасах драгоценных металлов и камней, которыми гордились монархи. Например, один англичанин «до смерти не мог забыть горы жемчугов, изумрудов, сапфиров, рубинов, золотой и серебряной посуды», которые

ему показывал Иван Грозный (Радзинский 1999: 50). Французы «не могли надивиться роскоши» двора Елизаветы Петровны (Пыляев 1897: 67–72).

Принципиально, что подданные были кровно заинтересованы в богатстве своих предводителей, точнее, в их Силе, служившей гарантом благополучия всего социума. Африканские крестьяне добровольно отработывали на полях вождя, урожай с которых поступал в его амбары. «Сподвижники Чингисхана в процессе ритуала коронации обещали отдавать ему всю добычу при охоте или войне» (Козин: 188). Поэтому «богатство» всегда выставлялось напоказ, без опасения вызвать у народа раздражение или неудовольствие. Так что «блеск власти» — обязательная форма ее бытования на протяжении всей доиндустриальной формации. Он становится важнейшим символом мощи государства, персонифицированного в верховном правителе («Государство — это Я», сказал, как известно, Людовик XIV). Более того, «бедность» считалась «пороком», бросающим тень на Силу власти. Поэтому ее носители разных уровней просто обязаны были демонстрировать свое великолепие: «Со времен Анны Иоанновны: чтобы быть на хорошем счету у государыни, требовалось расходувать очень большие суммы. Придворный, тративший на свои туалеты в год не более 3 тыс. рублей, был почти незаметен» (Пыляев 1897: 67–72). В Африке, после обретения колониями независимости, встречаются случаи, когда президент упрекал чиновника высокого ранга за «скромность» в быту, что, с его точки зрения, компрометировало власть (Бочаров 1992: 264).

«Богатство» как обычно-правовой источник коррупции в России. Связь «власти» и «богатства» в русской культуре проявляется на всех уровнях. По этнографическим материалам, собранным до революции, «богатство являлось способом для возвышения. Внешние его признаки: одежда, порода лошади. Возвысившийся пользуется уважением: к нему идут за советом, при встрече отвешивают глубокий поклон, величают по имени-отчеству. Почет соединяется с общественной должностью» (Быт... 1993: 89).

При изучении этих материалов обнаруживается, что богатство низших чинов складывалось опять же из подношений крестьян, которые они получали за выполнение своих непосредственных обязанностей. Подношения делались не только «начальникам», но даже крестьянин обращался к сходу с просьбой решить какой-либо вопрос, который находился в его ведении, то обязательно сулил угощение: «Предчувствие выпивки побуждает крестьян решить дело в его пользу» (Быт... 1993: 48). Урядника старались «с честью принять и дать приношение и устроить прием на общественные деньги» (Быт... 1993: 50). Широко были распространены мелкие поборы в виде угощения «за скорейшее разрешение на постройку или за выдачу какого-либо документа», которые «вполне допускаются обычаем и считаются как бы обязательными». Расстраты мелкие — «домашние» — производятся выборными, деревенскими сборщиками или старостами хлебных магазинов, и часто заканчиваются мировыми сделками (Быт... 1993: 63). Лицам, выступавшим в суде в качестве свидетелей, устраивалось «угощение в благодарность за принятый на

себя труд явиться в волостной суд». «Магарычи за разбирательство допускаются обычаем и считаются справедливыми. «Для тебя трудились, ты и угощай!» — вот взгляд судей и судящихся, сознающих, что получаемое судьями жалование далеко не вознаграждает их труд» (Быт... 1993: 68).

Может показаться, что перед нами фрагменты института «кормления», известного со времен Древней Руси, когда служащим не платили, а «ставили на кормление», состоявшее из товаров, услуг и денег, собранных с населения вотчин (Озерная 1995: 360). Однако с нашей точки зрения, это не «пережитки» древнего института, а глубоко традиционные практики, которые его когда-то и породили. Через них устанавливались человеческие взаимодействия, без которых, как предполагалось, эффективная коммуникация между людьми невозможна. Обычно-правовая ментальность не признает абстрактной связи, она обязана иметь материальное воплощение. Причем лицо, инициировавшее контакт для своих целей, в первую очередь было заинтересовано «отдать часть самого себя», чтобы иметь положительный результат. Современные деревенские ведьмы часто отказываются от денег, но люди, обратившиеся к ним, все равно стремятся отблагодарить их чем-нибудь из пищи, предметов, полезных в быту и т. д.* Заметим, что и в городской культуре обращаться к кому-либо с просьбой без подарка или угощения также считается «как-то не по-человечески».

Очевидно, что данный культурно-психологический пласт служит базой для так называемой бытовой коррупции, но не только. Мне приходилось видеть случаи, когда родственники тяжело больного человека пытались отблагодарить врача, упорно от подношения отказывавшегося, будучи уверенными, что в противном случае лечение не принесет желаемого результата. Вообще установление «человеческих» отношений с «властью» — важный элемент российских коррупционных практик. Давая взятки инспекторам ГИБДД, отмечаешь, что в большинстве случаев это сопровождается душевной беседой «за жизнь». Один раз инспектор, взяв деньги по договоренности, даже пожаловался мне на коррумпированность начальства своего ведомства, из-за которого его сын не может обучаться в университете МВД, так как взятка чрезвычайно высока! Интересно в этой связи, что когда правительство Танзании в 70-е гг. XX в. в рамках борьбы с коррупцией запретило подношения судьям, то это вызвало сильный протест именно в народных массах, и власти даже вынуждены были пойти на уступки (Бочаров 1992а: 222).

В России законы, направленные против взяточничества, не работают, на них попросту не обращают внимания. В начале XX в. крестьяне вообще имели смутное представление о преступлении, руководствуясь в повседневной жизни понятием греха: «Грех важнее преступления... К правительственным судам крестьяне относятся с отвращением, редко там ищут защиты своих прав, поэтому стараются решить дело, договорившись между собой полюбовно» (Быт... 1993: 58). Действия, называемые сегодня коррупцией, как мы видели, грехом не считались, а скорее обычаем, которому должно следовать.

* Согласно свидетельству С. Можяевой, студентки VI курса вечернего отделения факультета социологии СПбГУ, работающей над темой о современных магах.

Это относилось также к чиновничеству более высоких рангов. Чиновник-взяточник стал одним из главных героев художественной литературы XIX—начала XX в. Московский генерал-губернатор граф Ф. Ростопчин констатировал в XIX в.: «Ныне, кто не крадет, почитается дураком». Его современник М. Погодин утверждал: «Служба до сих пор у нас есть кормление. Никакими средствами нельзя исцелить нас от этой болезни, кроме гласности. И гласность принесет пользу, может быть только на несколько лет, а потом мы привыкнем к ней» (Русские о русских 1992: 39–40). Справедливость этих пророческих слов подтверждает настоящее. В 2000 г. ученые-эксперты отмечали, что «коррупция стала нормой российской жизни» (Цит. по: Дука, Быстрова 2004: 14). Сегодня мы вынуждены констатировать, что: «на сообщения о фактах коррупции в прессе <...> правоохранительные органы никак не реагируют. Как отмечают исследователи, российские властные институты ни на национальном, ни на региональном, ни на местном уровне не имеют политической воли бороться с коррупцией» (Дука, Быстрова 2004: 14). Получается, что в соответствии с нашей правовой культурой, «взяточник» вправе не только идентифицировать себя с хорошим, отзывчивым человеком, но и укрепляющим таким образом авторитет государственной власти. Можно констатировать, что поведение современного чиновничества во многом продолжает определяться формой презентации власти обществу, уходящей корнями в глубины обычно-правовой ментальности. В частности, «блеск власти» остается важной составляющей ее престижа, организующим его поведенческие мотивации.

Обратимся к фактам. Недавно, как мы помним, были истрачены огромные средства на реставрацию Кремля, причем в труднейшие для граждан России времена, когда для многих из них вопрос стоял о физическом выживании. При этом главный чиновник, возглавлявший работы, после освобождения из тюрьмы США по подозрению Фемиды этого государства в воровстве, в многочисленных выступлениях перед журналистами главный упор делал не на аргументации своей невиновности, а на значимости для престижа государства осуществленной им деятельности. Новый вид Кремля, с его слов, производил ошеломляющее воздействие на глав зарубежных государств: «Клинтон смотрел и восклицал — Ах!». Из этого следовало, что П. Бородин сделал главное в своей жизни. «Я состоявшийся человек», — сказал он.

Об искренней и глубокой убежденности чиновников в нераздельности «богатства» и «власти», которое персонифицировано в ее представителях, свидетельствуют мемуары бывшего приближенного Б. Ельцина генерала А. Коржакова. Генерал вспоминает, как помог одному из своих сослуживцев получить не только генеральское звание, но и соответствующее статусу жилье. До этого тот жил с семьей в «хрущобе» (Коржаков 1997: 82). Описывая убранство воздушного лайнера президента, с многочисленными душевыми, спальнями, залом для совещаний на 12 человек и т. д., он твердо идентифицирует роскошь с «одной из составляющих престижа президента России» (Коржаков 1997: 93). Но самый показательный эпизод, когда автор описывает форму бытования власти в США: «Ожидал увидеть нечто величественное, похожее на нашу президентскую резиденцию, роскошный

особняк с царской обстановкой. А в Кэмп-Дэвиде оказались хлипкие на вид, будто сделанные из фанеры одноэтажные домики, почти все внешне одинаковые. Там расположен не только дом президента США, но и дома других высокопоставленных чиновников. Пол сооружения находится почти вровень с землей, окна тоже сделаны низковато... Отдельно построены домики для приготовления еды. Питание у обитателей Кэмп-Дэвида общественное, что-то вроде нашего санаторного. Скромность и простота резиденции повергли меня в уныние». Примечателен и вывод, к которому он приходит: «В России еще долго ничего подобного не будет» (Коржаков 1997: 107). Думаю, что эти слова можно квалифицировать как мнение эксперта, знающего не понаслышке о мотивах поведения представителей своего «сословия». Такая убежденность ведет к тому, что чиновник не только «берет», но и не скрывает этого, выставляя напоказ дорогостоящие виллы, авто, одежду и предметы туалета (часы, украшения), которые невозможно приобрести при мизерных официальных доходах. В этом проявляется его уверенность в собственной безгрешности, так как слыть вором в любой культуре позорно. Запреты же (законы) воспринимаются как мешающие естественному ходу вещей, как инородное тело.

На Западе «скромное» бытование власти сформировалась в процессе борьбы «богатства» с «властью». Она завершилась Французской революцией, признавшей равенство всех перед законом. Таким образом, Закон лишил «Власть» монопольного владения богатством. Принципиально, что он появился вследствие глубоких социально-экономических изменений в обществе, когда «третье сословие», избираемое зачастую обедневшей правящей аристократией по обычному праву, выступило против такого положения дел. В результате была разрушена мистическая связь между социальным статусом и собственностью («властью» и «богатством»), точнее, они поменялись местами: теперь последняя, обретя священный статус, стала определять общественное положение индивида. Раньше же, как мы помним, богатство рассматривалось как продолжение личных (магических) свойств индивида. Словом, богатство перестало быть непременным спутником власти. Это нашло отражение в законах, определивших «скромный» имущественный статус власти, а также поведение ее представителей, исключаящее использование служебного положения для обогащения. Принципиально также, что в них воплотились морально-нравственные идеалы людей, сформировавшиеся еще до того, как эти законы были приняты. Поэтому в этой культуре поведение людей в рамках властных отношений не связано с демонстрацией богатства, скорее, наоборот, она считается дурным тоном: «стремление к власти над людьми свойственно лишь немногим романтикам и поэтам среди капиталистов и является, как и стремление к роскоши и личному богатству, признаком декаданса, проявлением упадка капиталистической идеологии» (Неусыхин 1994: 608).

У нас же «богатство» не только демонстрируется всеми напоказ, но оно, в соответствии с приоритетами культуры, само стремится стать «властью», включая «покупку» его носителями государственных должностей, как некогда поступали буржуа, получая за деньги дворянские титулы. Законы но-

сят запретительный характер и носителями культуры не принимаются, хотя и осознается, что за их нарушение положены карательные санкции. Это положение дел отражено в русской поговорке: «Не бойся закона — бойся судьи». Учитывая, что «судьи» — это те же чиновники, с той же культурно-психологической структурой, у нарушителей немного шансов быть осужденными, о чем свидетельствует большое число оправдательных приговоров в судах по коррупционным делам чиновников высокого ранга.

Власть и нищета. Впрочем, в советский период официальная идеология также негативно рассматривала связь между «богатством» и «властью». Однако здесь, в отличие от Запада, просто одна обычно-правовая концепция официально уступила место другой, которая временно стала главным компонентом господствующей идеологии. Если одна связана с иерархической структурой общества, то другая — с общинной, с коллективностью, т. е. с тем, что В. Тернер называл «коммунитас».

Общинная идеология везде негативно относится к экономическому повышению кого-либо из своих членов. Например, в Африке крестьянину, собравшему хороший урожай, необходимо было устроить праздник с угощением для односельчан, чтобы не быть обвиненным в колдовстве. Иначе его ожидали большие неприятности, вплоть до вынесения смертного приговора. В России, по этнографическим источникам, крестьяне скверно относились к местному начальству за «снисходительное отношение к зажиточным крестьянам» (Быт... 1993: 54). Объясняется это тем, что обычно-правовая ментальность увязывает «богатство», полученное, в том числе, собственным трудом, с «нечистой силой». Это также находит отражение в русском фольклоре. Упоминаются «враждебная нечистая сила и злые колдуны», похищающие «свет и плодородие», «несчетные богатства, которыми обладает черт», «отчаянные грешники, продающие свои души дьяволу за серебро, золото и драгоценные камни» (Афанасьев 1983: 236). Данные обычно-правовые воззрения были представлены в законах древних юридических кодексов. Например, в XII таблицах (Древний Рим) содержались следующие положения «не заклинать чужих плодов», «Кто заморозит посевы...», «Пусть не переманивает чужого урожая». Заподозренных в использовании черной магии ожидала смертная казнь. Подобные же нормы входили в европейские «варварские правды» (Салическую правду, Полицкий статут), а также в обычно-правовые системы африканских этносов (Синицина 1978: 84–85).

Именно эти представления, свойственные обычно-правовой ментальности, могли породить, по-видимому, поговорки: «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь» или «Трудом праведным не наживешь палат каменных». Во всяком случае, я был свидетелем истории, имевшей место лет пять назад в деревушке Кобылино Новгородской области. Там поселился фермер из г. Валдая, расположенного неподалеку. Он занимался пчеловодством и животноводством. Жил он по сравнению с другими «аборигенами» (их всего 6–7 человек, остальные же — «дачники» из Москвы и Петербурга, уезжающие на зиму домой) преуспевающе. Однако через несколько лет он продал дом и хозяйство и вернулся в Валдай. Незадолго до его отъезда я

беседовал с ним и его женой, которые помимо других причин своего отъезда назвали и старейшую жительницу деревни М. Монакову (их соседку и бывшего делегата местного сельсовета), с которой им «жизни здесь не было» и которая «извела их пчел». Ранее о подобных подозрениях мне довелось слышать и от своего соседа, также «аборигена», который рассказывал о колдовских проделках Монаковой, от которых он пострадал, правда, лет 30–40 назад. Отмечу, что и отношение остальных коренных жителей к фермерской чете было, мягко говоря, прохладное.

Сегодня СМИ периодически информируют о негативном отношении соседей к преуспевающим фермерам, которое выражается в акциях вредительства их имущества (поджоги, разбои и т. д.), а также препятствиях, чинимых местными колхозными (кооперативными) властями: выделении фермерам худших земель, всякого рода бюрократических проволочках и т. п. Я склонен предполагать, что «магическая» составляющая играет здесь определенную роль. В современном дискурсе в данном случае фермер не обязательно определяется «колдуном», а просто «плохим, скверным, негодным и т. д.» человеком. К слову, в той же деревне я был свидетелем и другого интересного для нас в этом контексте случая. Одна «дачница», реагируя на хвастовство соседки хорошим урожаем, выращенным ею на приусадебном участке, воскликнула: «Как тебе это удастся? Я работаю не меньше... наверное, ты что-то шепчешь?». Это было сказано как бы в шутку, но фраза, на мой взгляд, является важным «психологическим документом», свидетельствующим о наличии этого самого пласта и в сознании городского жителя. Данный слой при определенных условиях (как это, например, произошло с гражданами США после 11 сентября) может перестать быть периферийным, определить ее сознание.

Истоки известного культурно-психологического феномена лежат в особенностях архаического мышления, увязывающего между собой все явления окружающего мира. Общинное сознание также исходит из того, что на коллектив-общину отпущено определенное количество ресурсов (благ), а значит, если кому-то перепало больше, другим достанется меньше. В условиях традиционного общества, ориентированного исключительно на выживание, при постоянной нехватке пищевых ресурсов, перераспределение ресурсов в чью-либо пользу, естественно, рассматривалось как недопустимое. Подобный образ мышления относится не только к пище. Известно, в русских деревнях с опаской смотрели на долгожителей, говорили, что «они заедают чужой век». Зажиточные же крестьяне, как известно, «заедали мир» («кулак-мирод»). Можно предположить, что источником подобного рода мыслительных ассоциаций служила общая посуда, из которой традиционно принимала пищу семья во время совместной трапезы. Считалось постыдным черпать из котла чаще, чем остальные. Заметим, что такой «этикет» самопроизвольно возникает в любом коллективе, поставленным в ситуацию ограниченности пищевых ресурсов.

Ориентация общины на простое воспроизведение форм деятельности обусловило формирование типа личности, характерной чертой которой явля-

ется отсутствие амбиций, связанных с обогащением и наживой. Иностранцы, наблюдавшие за поведением русских, отмечали, что у народа «в этом государстве нет всеоживляющего и подстрекающего двигателя — самолюбия, нет желания возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслаждения, ничего не может быть однообразнее их жизни... ограниченнее их нужд и постояннее их привычек... Русское простонародье... пользуется некоторой степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо, оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий в нищете, этой страшной язвы просвещенных народов» (Сенор 1989: 328). Почти дословную характеристику дает современный исследователь жителям Африки, где роль общины в жизни населения чрезвычайно велика (Бочаров 1992: 206).

Для людей с подобным психологическим складом представляют ценность только вещи, обеспечивающие главные жизненные потребности человека. На этом фоне формируются и морально-этические поведенческие модели. Русские этнографические источники содержат множество сведений о снисходительном отношении крестьян к воровству, лесным порубкам, «мелкому торговому плутовству, которое не считается преступлением скорее — ловкостью» и т. д. Однако, «кража необходимого считается тяжким преступлением» (Быт... 1992: 59). Элементы такой культуры представлены во многих религиозных системах: индуизме, зороастризме, иудаизме, христианстве. Здесь лидер — это аскет. Он отрицает земные блага, собственность, богатство. Люди такого толка обрели чрезвычайно большой вес в отечественной культуре: нищие, странники, юродивые и т. п. (Прыжов 1992; Короленко 1920). Эта культура охватила с середины XIX в. и городское население, включая образованные слои общества. Бывший народник С.Я. Елпатьевский отмечал, что «даже состоятельные люди вели аскетический быт: "А.Н. зарабатывал порядочно... но жил на студенческий манер в маленькой квартирке в две комнаты с плохонькой старой мебелью... Его потребности были ограничены до минимума, и некоторый отпечаток аскетизма лежал на всей его жизни. Собственности он не имел, и в слова "собственность", "собственник" вкладывал негативный оттенок"». (Елпатьевский 1984: 63). В рамках такой культуры развивалось все революционное движение России, да и партия большевиков больше напоминала своего рода секту аскетов (Бочаров 2001а: 74), о чем писали многие авторы «Вех». В это время в качестве оппонентов большевиков выступали «буржуи», т. е. своего рода представители «нечистой силы». Из материалов В.И. Колоницкого видно, что «буржуями» именовались вообще плохие люди, «все собственники и просто зажиточные люди», а их «богатство, хотя и нажитое собственным трудом, было презираемо, будучи не освященным некими высшими идеалами» (Колоницкий 1994: 21). Поэтому революция в России фактически была направлена не столько на упразднение частной собственности как юридического института, как это предполагал марксизм, сколько на физическое уничтожение «буржуев». Сейчас эти факты принято считать преступлением коммунистов, однако следует признать, что подобное развитие событий полностью соответствовало правовой культуре, в которой колдуны счита-

ются «врагами народа» и подлежат уничтожению. В то же время, в результате революции отношения власти и богатства не претерпели содержательных изменений, имея в виду мистическую связь между «вещью» и человеком. Просто «власть» стала сопрягаться со своим антагонистом, «ничтою». Весь советский период — это борьба между этими обычно-правовыми представлениями в рамках одной правовой культуры.

Конфликт правовых культур в правосознании россиян. После революции, с самых первых шагов советской власти, несмотря на официально провозглашенные ценности, органы власти стали размещаться в особняках бывших «буржуев», чиновники — снабжаться разными благами по особому разряду (пищей, жилищем, транспортом и т. д.). Правда, это не афишировалось, не выставлялось напоказ. Наоборот, помнится поношенная шинель И. Сталина из кадров кинохроники, или демисезонные пальто партократов более позднего времени, в которые они были одеты даже в сильные морозы.

Этот конфликт существовал не только в вещной презентации власти, но и в головах людей. Вспоминаю пример из своей биографии, который весьма показателен. В «перестройку» были выборы директора в Кунсткамере, в которой я тогда работал. На должность баллотировался мой коллега по сектору. Как-то я приватно обсуждал его кандидатуру с секретарем парторганизации, членом нашего отдела, с которым я состоял в приятельских отношениях. Я подтвердил свое намерение голосовать за Г., но от него услышал другое мнение, которое в то время меня искренне удивило. «Посмотри, — сказал приятель, ведь он до сих пор живет в коммунальной квартире. Г. ничего не мог сделать для себя, так что же он сможет сделать для института?» Надо отметить, что я собирался поддержать кандидата именно по этой причине, считая его порядочным человеком, который не ловчил, не хапал, хотя имел для этого возможности. Словом, я отражал тот обычно-правовой пласт культуры, которому суждено было проиграть, несмотря на то, что «перестройка» начиналась именно как борьба за лишение «власти» ее привилегий («богатства»).

Наращение процесса социальной индивидуализации, характерного для советского времени, неизбежно сопровождалось и развитием частнособственнической психологии. В связи с этим, представители, в первую очередь, правящего класса (чиновничество) ощущали потребность в расширении собственных прав на ресурсы, которыми они фактически владели по обычному праву, но которые считались государственной (коллективной) собственностью по закону. Не хватало свободы распоряжения, включая передачу имущества по наследству. После масштабной приватизации эти проблемы были решены, и большинство чиновничества, как выяснилось, превратилось в частных собственников.

Стремясь умножить богатство в общественных интересах, власть, как показывает история, все более осознавала его ценность и для личного потребления. Действительно, ее объективное стремление к богатству как символу Силы, обеспечивавшему легитимность, отражалось на психологии носителей власти, которые стали выделять себя из «массы», считая, что им вместе со статусом положены исключительные «удовольствия и наслажде-

ния» от использования коллективной собственности. Эта психология, на мой взгляд, в известной степени может быть реконструирована при обращении к «Маленьким трагедиям» А.С. Пушкина:

Могу взирать на то, что мне подвластно,
Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнуться чертоги;
В великолепные мои сады
Сберутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно;
Сего сознанья...

(«Скупой рыцарь»)

Поэтому в действиях даже архаической власти, направленных на умножение богатства, просматривается и личный интерес. Он особенно заметен, когда для достижения этой цели попирались морально-нравственные устои социума. «Кликуши служили орудием для корыстолюбивых дьяков и воевод, которые нарочно подговаривали их оговаривать богатых людей и потом, пользуясь обвинением, отбирали чужое добро» (Афанасьев 1983: 430). Этот пласт отношений воспроизводился в сталинское время. Многие вспоминали, как представители «органов» искали «врагов народа» среди владельцев жилья, на которое сами имели виды. После «перестройки» мне самому довелось наблюдать как бывшие борцы с привилегиями, многих из которых я знал лично, став властью, стали, без тени сомнения, относиться к ним как должным. Да и сейчас, идентифицируя свой статус перед близким окружением, они сопрягают его с количеством и качеством предписанных благ: кабинетом, секретаршей, служебной машиной с шофером, дачей, включая теперь и личное «богатство».

И все-таки власть, всегда имея преимущественный доступ к общим благам, изначально несла жесткие обязательства перед подданными. Отец семейства считался хозяином имущества, но использовал его, как правило, на нужды семьи, пищу, одежду, производил выплаты, связанные со вступлением в брак своих детей и т. д. К австралийскому бигмену «идут с просьбами, и он помогает: одному внести плату за невесту, другому, в семье которого горестная утрата, совершить погребальный обряд и т. д.» (Бигменство 1999: 130–132). Африканский вождь, который владел наибольшими запасами зерна и скота, обязан был оказывать помощь населению в случае природных или социальных катаклизмов. По свидетельствам иностранца в России: «Если кто-нибудь обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям и несчастьям, то ему, будь то царский или

боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находился, оказывается пособие» (Олеарий 1989: 358).

«Щедрость» и «справедливость» в доиндустриальном обществе — такое же неперемное качество для легитимности лидера любого уровня, от отца семейства до монарха, как и «богатство». В средневековой Франции «в народном сознании сама идея величия короля сопрягалась, прежде всего, со щедростью, проявляющейся в организации пышных празднеств и щедрых раздачах с королевского стола <...> Король в глазах многих своих подданных рисовался в образе отца, отца щедрого, милосердного и справедливого». Поэтому Людовику XII в 1506 г. был официально дарован титул «отца народов» (Малинин 1995: 26). Аналогичный титул официально носил и Петр I, затем И.В. Сталин, а жизнь советских людей вплоть до «перестройки» протекала, как мы помним, при «отеческой заботе партии и правительства» (Бочаров 1992б). Только такой лидер мог рассчитывать на лояльность своих подданных. Известно, например, что «армия, признав императором, присягнула в верности и послушании Федору Борисовичу, сыну покойного царя, который послал весьма благосклонные письма в армию, заверяя в своей щедрости к каждому по истечении шести недель траура» (Олеарий 1989: 269). Отдавая людям материальные блага, он тем самым делился частью своей «харизмы»: удачи, счастья. Поэтому считалось особенно почетным получить дары непосредственно из рук вождя.

Данный обычно-правовой пласт, рассматривающий дар власти, прежде всего, со стороны его «духовности», фиксируется и в современной культуре. Это воплощено в практике награждения государством своих граждан за различные заслуги, и особенно почетно получить награду из рук первого лица государства, либо с подписью президента. Недавно же политик, выступивший против замены льгот денежными компенсациями, утверждал, что ветеранам не так важны деньги, как признание государством их заслуг, уважение.

Отметим, что «щедрость» носила более правовой, нежели морально-этический характер, что и позволяет нам говорить о коллективной собственности. Как упоминавшегося выше охотника ждали санкции со стороны коллектива, если бы он вдруг отказался поделиться мясом убитого им зверя с прохожим, так и средневековый конунг назывался «вором», «преступником», если был замечен в скупости (Гуревич 1981: 210). Собственно, и сын «скупого рыцаря», как мы помним, стараясь восстановить справедливость, нарушенную отцом в отношении его собственнических прав на родовое имущество, обратился с жалобой к верховному правителю, в обязанности которого входило блюсти эту справедливость. Тот же вынес решение в пользу пострадавшего.

Словом, богатство власти, имевшее статус коллективной собственности по обычному праву, обретало легитимность в глазах подданных, если использовалось в их интересах. Если же этого не происходило, то нарастало ощущение поправленной справедливости, что провоцировало людей на действия по ее восстановлению. Этим можно объяснить масштабы воровства в России во все времена, которое с подачи нашего выдающегося историка стали называть чуть ли не главной чертой «русского национального характера».

Действительно, исторические и современные сведения говорят о том, что отношение закона к воровству не совпадает с народным правосознанием. Раньше повально воровали казенный и господский лес, который приобретали даже официальные охранители морали — служители православной церкви: «похищенные крестьянами бревна и дрова из казенных или помещичьих дач не считали предосудительным покупать лица духовного звания» (Тенишев 1909). В то же время, по сведениям нашего выдающего этнографа С. Максимова, «осуждалось посягательство на собственность, полученную личным трудом, она неприкосновенна. Собственность же поповская, господская — нет» (Чалидзе 1990: 32). Когда ученый говорит о собственности, «полученной личным трудом», то имеется в виду «праведный труд», который, с точки зрения народного правосознания, не мог обеспечить существенного имущественного разрыва между людьми.

Практически полное огосударствление собственности в советский период, в общем, вписывалось в представления, характерные для российской правовой культуры, для которой она носит коллективный характер, за исключением тех частнособственнических проявлений обычно-правового сознания, о которых уже шла речь. Поэтому советские люди, несмотря на существовавшее законодательство относительно государственной (колхозной) собственности, не считали воровством пользование ее благами, тем более, если учесть постоянно возраставшее в обыденном сознании ощущение несправедливости в распределении «народного достояния», особенно острое в эпоху «застоя». Поэтому любые хищения с предприятий, сплошь принадлежавших государству, общественным мнением не осуждались: «тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость». К краже с «казенных» полей было также благосклонное отношение. Во время учебы в Ленинградском университете и позже, во время многочисленных выездов на сельскохозяйственные работы, мне не раз приходилось наблюдать, как сельяне открыто пополняли свои личные продовольственные запасы картофелем, свеклой, капустой с совхозных полей. Этим же занимались и горожане, которых предприятия командировали для уборки урожая.

Заметим, что подобные деяния имели место даже в сталинский период, во время которого, как известно, население активно «обучалось» уважению государственной собственности, а «хищения» жесточайшим образом преследовались уголовным законодательством (я имею в виду так называемый закон о трех колосках, подписанный И. Сталиным в 1932 г.). Это мнение разделялось и представителями политической элиты. Интересные данные на этот счет приводит Ф. Бурлацкий в своих мемуарах: «Бовин как-то рассказал мне о разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Он сказал Брежневу о том, как трудно живется низкооплачиваемым людям. А тот ответил: “Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все живут в стране”». (Бурлацкий 1996: 299). Другая характерная особенность нашей правовой культуры — благосклонное отношение к преступникам, которые воспринимаются в качестве народных

заступников. «На вора, укравшего у богатого, смотрят гораздо снисходительнее, чем на вора, обокравшего бедняка. Если вор крадет по причине голода и нужды, да к тому же у богатых чужаков, то к нему относятся сочувственно» (Быт... 1993: 289). О разбойниках слагали песни и предания, они «были милостливы к несчастным и угнетенным и, разбойничая, только мстили обидчикам: богатых грабили, казну грабили, купцов обижали, на чиновников и господ нападали, но бедным и нужным людям давали милостыню щедрой рукой». (Максимов 1869: 110). Иными словами, им отводилась роль радетелей справедливости, попранной настоящими преступниками.

Современные «разбойники» также, зачастую, мотивируют свою деятельность как борьбу с грабителями, т. е. людьми, нажившими богатство несправедливым путем. Это довольно часто слышится из уст привлеченных к уголовной ответственности за грабеж, рэкет, вымогательство, мошенничество и т. д. Аналогичный дискурс довольно широко представлен в обыденном сознании, что нашло широкий отклик в современном массовом искусстве, в частности, в кино. Герои популярных фильмов и сериалов («Тюремный роман», «Ворошиловский стрелок», «Брат» и «Брат-2», «Бандитский Петербург», «Бригада» и др.) рисуются суперменами, обладающими высокими морально-нравственными качествами. На их стороне нередко выступают даже «честные» представители правоохранительных органов («Тюремный роман», «Ворошиловский стрелок» и др.). Герои-супермены противостоят новым собственникам и чиновникам. Последние же — стяжатели, попирающие ради наживы «все святое». На протяжении последних лет многие политики ссылаются на результаты социологических опросов, данные которых демонстрируют интересный факт, — «профессия» бандита является наиболее престижной у юношества.

Заметим, что отождествление богатых со своего рода «нечистой силой» или плохими людьми характерно не только для обыденного сознания, но и для просвещенного, не только для «левой» ориентации, но и для «правой». 2 февраля 2004 г. в программе «Времена» В. Познера участвовал Губернатор Самарской области К. Титов, являющийся, как известно, одним из лидеров СПС. Разговор шел о собственности на землю, в частности, о включении в «Земельный кодекс» нормы, разрешающей ее свободный товарооборот. Титов выступил против, мотивируя это тем, что землю «скупают буржуи». Ведущий был чрезвычайно удивлен, услышав такое от политика правового толка, и попросил пояснить, что тот имеет в виду. Выяснилось, что К. Титов видит в них «олигархов», оказавшихся в конечном счете «негодяями», о которых априори известно, что, купив землю, они немедленно начнут ею спекулировать.

Словом, можно констатировать устойчивость нашей правовой культуры, которая с успехом адаптирует социальные инновации, интерпретируя их в рамках своих главных приоритетов. Сегодня не подвергается сомнению та собственность по закону, которая укоренена в обычно-правовых представлениях. Самый яркий пример — это приватизированное жилье. Оно тесно ассоциируется у окружающих с владельцем, который вложил в него немало самого себя (своего труда). Собственно, в советское время жилье фактически и имело такой статус, так как распоряжались им вполне свободно,

находя различные лазейки в законодательстве для сдачи в аренду, фактической купли-продажи, дарения и т. д. Иными словами, не будучи юридической собственностью, оно и раньше воспринималось и реально функционировало именно как собственность. Это, кстати, находило отражение и в научном дискурсе того времени. Например, в политэкономический научный словарь было введено понятие «трудовая частная собственность». Оно носило позитивный идейно-политический смысл, в противовес «нетрудовой собственности». Таким образом, даже в условиях жесткого отрицания идеологией частной собственности возникали предпосылки для ее легитимации в соответствии с обычно-правовыми представлениями.

В то же время вновь возникший класс крупных юридических собственников не признается легитимным общественным мнением. Причем, конфликт правовых культур отчетливо прослеживается на всех уровнях социально-политической иерархии, включая политическую элиту страны. Определения типа «мошенники», «ворье» в адрес «олигархов» исходят из уст высших государственных чиновников, которым, казалось бы, должно ориентироваться, прежде всего, на действующее законодательство. Например, именно так их характеризовал В. Путин на встрече с родственниками погибшего «Курска» (звуковые фрагменты этой беседы транслировались одним из телеканалов). Кстати, эта же мысль прозвучала из его уст в связи с назначением на пост премьер-министра М. Фрадкова. В одном из интервью В. Путин рассказал о первом знакомстве с ним, состоявшемся в Петербурге в середине 1990-х гг., когда Фрадков приезжал навестить своего сына в Суворовское училище. При этом президент подчеркнул «порядочность» своего избранника. Он сказал примерно следующее: в то время, когда многие в правительстве разворывали богатства страны и т. д., у нового премьера сын учился защищать Родину. В общем, фигура премьера опять же противопоставлялась «ворью», несправедливо наживавшему свое богатство в период рождения нового строя. Депутат В.С. Плескачевский, являющийся председателем комитета по собственности, утверждал на заседании Думы: «Надо просто иметь в виду, что восемьдесят лет в нашей стране формировали нового человека, который не понимает, что такое собственность, не понимает, что такое собственность на землю, не понимает, что такое полноценная собственность на имущество» (Государственная Дума: 36). Представляется, что в данном случае проблема переводится в политическую плоскость. Для меня очевидно, что не только «новый» или «советский человек» не понимал, что такое полноценная частная собственность, но этим же страдал и его дореволюционный предшественник. Словом, отношение к собственности, при котором формально-юридический момент отнюдь не является решающим для придания ей легитимности, есть характерная черта российской правовой культуры, и не находится в зависимости от политического режима в стране.

Несомненно, что понятие «воровство» жестко увязано с понятием «собственность». Оба они ассоциируются со «справедливостью», которая для носителя западной культуры в целом воплощена в писаных законах. В нашем же правосознании содержание данных понятий обусловлено обычно-правовыми представлениями. В результате, если «собственник по закону» не

воспринимается легитимным, то и «воровство», т. е. покушение на его вещи, не встречает осуждения в общественном сознании. Наоборот, легитимное, с точки зрения следования закону, обретение собственности, зачастую расценивается как «воровство». Эту ситуацию мы в полной мере переживаем сегодня, когда юридически был введен институт частной собственности.

Вопрос состоит в том, способны ли современные инновации в общественных отношениях изменить нашу правовую культуру? Ответ на него даст не столь отдаленное будущее.

Литература

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX века. М.: Наука, 1984.

Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1983.

Бобровников В.О. Колхозная метаморфоза адатов у дагестанских горцев // *Nomo juridicus*. М., 1997.

Бенда-Бекманн фон К. Правовой плюрализм // *Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии*. М.: ИЭА РАН, 1999.

Библиотека русского фольклора. Народная проза. Т.12. М.: Советская Россия, 1992.

Бигменство. Традиционная власть в Меланезии // *Потестарность*. СПб.: МАЭ, 1997.

Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этно-исторического анализа современных политических культур государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992а.

Бочаров В.В. О культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // *Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране*. М.: Наука, 1992б.

Бочаров В.В. Антропология права: антропологические и юридические аспекты // *Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии*. М.: ИЭА РАН, 1999.

Бочаров В.В. Интеллигенция и насилие: социально-антропологический аспект // *Антропология насилия*. СПб.: Наука, 2001а.

Бочаров В.В. Правосознание и закон. От Африки к России // *Манифестация*. 2001б. № 6.

Бочаров В.В. Антропология насилия // *Антропология насилия*. СПб.: Наука, 2001в.

Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1996.

Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. На примере Владимирской губернии. Издательство Европейского Дома, СПб., 1993.

Ванштейн С.И. Обычай «ужа» у саянских оленеводов // *Обычное право и правовой плюрализм в развивающихся обществах*. XI Международный Конгресс ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 1997.

Вудман Г. Оценочные и стратегические перспективы правового плюрализма // *Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии*. М.: ИЭА РАН, 1999.

Выготский Л.С. Проблемы развития психики // *Выготский Л.С. Собр. соч. в 4 т.* М., 1983. Т. 3.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1930.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, 1983.

Государственная Дума. Стенограмма Заседаний. Бюллетень. № 101.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1981.

Дука А.В., Быстрова А.С. Коррупция в России: исследования и контексты // *Коррупция и взяточничество*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

- Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984.
- Завадский С.В. На великом изломе. Отчет гражданина Завадского о пережитом в 1916–1917 годах // Архив русской революции. М., 1991.
- Кистяковский Б.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
- Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М., Л.: АН СССР, 1941.
- Колоницкий В.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Отечественная история. 1994. № 121.
- Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.
- Короленко В.Г. Современная самозванщина. СПб, 1920.
- Максимов С. Народные Преступленья и несчастья // Отечественные Записки. 1869. № 4. Апрель.
- Малинин Ю.П. Королевская «троица» во Франции XIV–XV вв. // Одиссей. 1995.
- Нерсесянц В.С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина // Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999.
- Синицина И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М.: Наука, 1978.
- Смирнов П.И. Социология личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
- Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Озерная М. Российская бюрократия как перпетуум мобиле реформ // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия глазами иностранцев XV–XVII вв. Л., 1989.
- Потапов Л.П. Черты первобытнообщинного строя в охоте у северных алтайцев // СМАЭ. Т. XI. М.; Л.: АН СССР, 1949.
- Прыжов И.Г. Нищие святой Руси // История кабаков в России. М., 1992.
- Пыляев М.И. В. Старое житие. СПб, 1897.
- Радзинский Э. Кровь и призраки русской смуты. М.: Вагриус, 1999.
- Русские о русских. СПб.: Петро-РИФ, 1992.
- Сенор Л-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия глазами иностранцев XVIII в. Л., 1989.
- Скуратов Ю. Вариант дракона. М.: Детектив, 2000.
- Тенишев В.Н. Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянства // Журнал министерства юстиции. 1909. № 7.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.
- Тимофеев Л.М. Теневое владение: доктрина и реальные экономические практики советского общества // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997.
- Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Туманов В. Вступительная статья // Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
- Тэйлор Э. Антропология. М. П., 1924.
- Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: Терра, 1990.
- Almagor U. Raiders and Elders: A Confrontation of Generations among Dassaneth // Warfare among East African Herders. No 3. Osaka, 1977.
- Bocharov V. The Anthropology of Collective Violence // Conflict and Reconstruction in Multiethnic Societies. Washington, D.C.: The National Academies Press, 2003.
- Malinowski B. Crime and custom in savage society. London: Routledge & Kegan Paul, 1926.